

«Yes, наша взяла!»

За «негра» можешь получить по физиономии

Остров Слез

До острова Свободы, на котором возвышается одноименный символ Америки, «ходу» на пароходике минут 15. Именно там в незапамятные времена были и таможня, и миграционная служба, которая решала: впустить страждущих в Новый Свет или не впустить. Этот клочок земли поначалу называли остров Слез. Иногда матери и детям разрешали выезд, а глава семейства получал отказ. Отчаявшиеся бросались в воды Гудзона, пытаясь вплавь добраться до берега, но большинство обрета-ло свободу лишь на дне залива. В память о тех временах на берегу реки, так американцы называют Гудзонский залив, стоит скульптурная композиция из бронзы – памятник мигрантам.

При ближайшем рассмотрении памятника лишний раз убедилась в чрезмерном самомнении американцев: негр возносит молебны к небесам, то бишь к американским чиновникам; человек в турецкой феске, прижав руку к сердцу, преисполнен надежд и отчаяния; супружеская чета с ребенком и чемоданом тоже не мыслит жизни вне Штатов. Так унижаться и с такой страстью рваться в чужую страну могут только те, кого на родине ожидает не иначе как виселица. Не так плохо живет в России, чтобы валяться в ногах у американцев. Но есть примеры, когда люди действительно вынуждены спасаться от произвола властей. Например, во времена правления Сапармурада Ниязова многие семьи, имеющие сыновей призывного возраста, спасали мальчишек от службы в туркменской армии, побывав в которой, парни возвращались калеками, если вообще возвращались. В такой ситуации любая мать упадет на колени. Но иногда путь в Штаты походит на авантюрный роман.

Бегут в Америку по типичному сценарию: один из членов семьи, получив от знакомых гостевой вызов, уезжает в Штаты. Потом правдами и неправдами отправляют к нему призывника. На какие только

лишения не идут родители, чтобы вывести оставшихся родственников.

Нелегалка с удочкой

Одна из знакомых, назовем ее Юлей, добравшись с маленькой дочкой до Лондона, в аэропорту узнала: девочка может лететь в Америку, а для нее шлагбаум закрыт: женщину готовы были впустить лишь в Канаду. В осуществлении своей цели Юля проявила железную волю. Препоручила дочку и сумку с семейными реликвиями – совдеповским хрусталем – стюардессе, помахала девочке ручкой и пошла сдавать билет. Всю ночь просидела в каком-то кафе под взглядами подозрительных личностей. Наутро долетела до приграничного с Америкой канадского городка и отыскала человека, который за две тысячи долларов переправлял нелегалов в Штаты. На Юлю надели бушлат, всучили удочки, усадили в лодку и незаметненько, «огородами» рыбацкая лодка пересекла водную границу. На озере всегда полно законопослушных любителей природы, которые, увлекшись, иногда заплывают в другое государство.

Пройдя нешуточные мытарства, семья в 2000 году наконец-то воссоединилась. Пребывая в статусе незаконного мигранта, любой другой человек повел бы себя ниже травы, тише воды, только не Юля. Дочку стюардесса доставила в целости и сохранности, а от семейного хрусталя остались осколки. Юля, не надеясь на благоприятный исход дела, все же обратилась в контору авиакомпаний и предъявила стекляшки. Смеси русского-английского было достаточно, чтобы компания тут же компенсировала материальный ущерб от потери стеклянных реликвий: 800 долларов.

Супруги подали документы на получение статуса беженца. Как ни странно, но шумиха, связанная с покушением на Туркменбаши и последующие политические репрессии против русскоязычного населения, сыграли семье на руку. Теперь они – резиденты. Для получения гражданства осталось преодолеть последнюю ступень: сдать экзамены на знание языка и иметь работу. Юля и ее муж прекрасно владеют американским

и имеют доход, позволивший приобрести двухэтажный дом.

Ребятишки выросли, и если бы не настоячивые требования родителей, совсем бы забыли русский. Его знание сейчас помогает 19-летней дочери работать в адвокатской конторе: она синхронно переводит истории россияне, которые просят политического убежища. Нередки случаи, когда отчаявшиеся просители или, может, хорошие актеры, бросались на колени перед чиновником и, заломив руки, со слезами вымаливали американское убежище.

Погорчилась я, посчитав, что бронзовый памятник мигрантам оскорбляет национальное самосознание россиян.

Раб

в графском камзоле

Дня через три после детройтской шопингомании отправились мы в Greenfield Village – огромный музейный комплекс, который включает в себя экспозицию автомобилей и реконструкцию американской деревни позапрошлого века. Нагляделись до одури на все образцы машин, когда-либо сходявших с конвейеров заводов Форда. В залах выставлены исторические реликвии, например, роскошный автомобиль, в котором Джон Кеннеди последний раз в жизни приветствовал своих избирателей, прежде чем был сражен пулей. После «машинного» музея прошлись по деревне и словно перенеслись во времена Тома Сойера. На улочках – повозки, запряженные лошадьми, миниатюрные паровозики того же, XIX века, домики горожан и селян с резной мебелью, фарфоровыми ночными горшками, вышитыми салфеточками. Забредли в сельский домик, где сидели вышивальщица и вязальщица, которые прилюдно демонстрировали занятия американских прабабушек. Чтобы попасть на такую непильную и достойно оплачиваемую работу, надо, как для киносьемок, пройти кастинг – обладать соответствующим эпохе типажом. Погуляв среди румяных селяночек в чепчиках, тощих семинаристок в шляпках, школяров с велосипедами и ковбоев на лошадях, чувствуешь, что теряешь ощущение реальности. Окончательно «добил» ветхий домик и две хозяйки, которые поливали

чахлую кукурузу, иллюстрируя символом беспросветную жизнь черных рабов. Негритянки пригласили в гости, и одна из них показала портрет дедушки. Это уже не по сценарию, ее предок в седьмом колене действительно был рабом. Она принесла его фото в деревню и рассказывала туристам историю его жизни. Ничего дед, крепким мужиком был. Смутило далеко не рабское одеяние – как на парадных портретах русских князей.

Черно-белая вражда

Слово «негр» в Америке произносить запрещено, я каждый раз забывала наказ, пока подружка раздраженным тоном не объяснила: за это слово можно запросто схлопотать по физиономии. По-американски оно звучит так же. «Называй просто «черный», этого они не понимают», – в очередной раз поучала она.

Глухое противостояние белых и черных, похожее, не прекращалось со дня победы Севера над Югом. Подъезжали мы как-то к центру Детройта. И вдруг среди ухоженных одноэтажных особняков замелькали дома с разбитыми стеклами, осыпавшейся штукатуркой. Хотя здания были еще добротные, сделанные из кирпича с колоннадами и портиками. Оказывалось, с десяток лет назад черные устроили демонстрацию с требованием отдать им этот процветающий и богатый район. Чтобы не обострять обстановку, власти удовлетворили требования. Белые навсегда покинули район, побросав или продав за копейки дома. На улицах стало опасно, расцвел криминал. Бизнес – заводы, фабрики и конторы – тоже перекочевали в другое место.

Через несколько лет процветающий район, доведенный до шанхайского уровня, покинули те, кто некогда бился за него. Разоренные дома в 15 минутах езды от небоскребов центра стоят в несколько раз дешевле неприязнительных строений в белых районах.

Захиревший район являет собой неумение или нежелание черного населения поддерживать цивилизованное существование на обустроенном месте. Экспансия не прекращается. Белые пытаются противостоять натиску цветного населения: не продают дома черным покупателям. Цена значения не имеет. «Вот тебе и оплот демократии», – думала я,

слушая откровения белого населения. Есть, правда, и другой пример противостояния, но не в Детройте, а в Нью-Йорке – это Брайтон-бич. Когда прогуливались по этому сверкающему рекламными огнями району, узнали, что в свое время русские мужики-мигранты с битами в руках отвоевали его у черных.

Брайтон-бич – уникальное место в сердце Америки. В магазинах, кафе, аптеках – только русская речь. Люди десятилетиями живут в Штатах и при этом ухитряются ни слова не знать по-американски. В районе свои русскоязычные адвокаты, врачи, в общем, вся жизнь устроена на русский, скорее, совдеповско-одесситский лад. Цены раза в три выше, чем в американских супермаркетах, культура обслуживания во столько же раз ниже. Ситуация, которая произошла с нами, тому доказательство. Приценились мы к изделиям из бирюзы, и как знатоки камней, предположили, что они не натуральные. Продавщица быстро срезала «нахалок»: «Вот и катитесь туда, где натуральные продают». От такого забытого хамства у нас просто челюсти отвисли. Пребывая в роскошных магазинах Детройта, я совсем расслабилась от белозубых улыбок торговых менеджеров.

В завершение разговора о расовом противостоянии замечу: черный народ при малейшем намеке на ущемление его прав моментально объединяется и никакие законы, кроме инстинктов, не приемлет. Белые, напротив, занимают позицию невмешательства, трусливо отходя в сторонку. Мы были свидетелями такой сцены: белая дамочка, находясь в салоне междугороднего автобуса, откинула свое сиденье. Молодая негритянка, сидевшая сзади, тут же пожаловалась водителю: ей с младенцем невозможно сидеть. Кстати, рядом находился молодой папаша, который мог бы поменаться с женой местами или взять ребенка себе на руки. Здоровенный негр-водитель распорядился: сиденье поднять. Если мэм недовольна его решением, она может дожидаться другого автобуса. В воздухе чувствовалось торжество черных пассажиров: «Yes, наша взяла!» ☺

ИРИНА КОРОТКИХ
ФОТО АВТОРА

800 ДОЛЛАРОВ > В такую сумму оценили хрустальные осколки американцы